

Булат ОКУДЖАВА

Если бы учителем был я

Небольшой монолог в канун первого сентября

Лит. газ. — 1995. — 30 авг. — С. 6.

Калуга, 1955 год.

Если бы не возраст и не состояние здоровья, — а они мешают это осуществить, — мне бы очень хотелось без всякой за то платы вести класс в какой-нибудь хорошей московской школе. Хотя бы в такой, как бывшая 33-я, ученикам которой я посвятил в свое время стихотворение, ставшее песней — «арбатство, растворенное в крови...». Это они придумали замечательное, по-моему, слово «арбатство». Допустим, раз в неделю я приходил бы к старшеклассникам на урок. Пофантазировали бы вместе...

Мне было 26 лет, когда в 1950 году с дипломом филолога в кармане и университетским значком на лацкане пиджака я очутился после шумного Тбилиси в Калужской области, в тихом Шамордино, известном своим женским монастырем, куда приезжал к сестре Лев Толстой. В маленькой, неказистой школе передо мной сидели девочки в платочках, мальчики в стоптанных сапогах, залатанной одежке, тихие, послушные. Меня приводила в отчаяние узость их кругозора. Помню, поинтересовался на первом уроке в восьмом классе: какие книги есть у вас дома? Они молчали и при этом смотрели друг на друга так, будто я спросил их о чем-то необыкновенном. Я настойчиво повторял вопрос, и наконец одна девочка прошептала соседке: «У тетки Марьи есть книга...» Выяснилось, что у старушки хранится Библия. Преподавать литературу таким подросткам было, конечно, не просто. Читаем, например, «Евгения Онегина»: «...как денди лондонский одет и наконец увидел свет». Они пересказывают: «Онегин тоже поступил в светское общество». Светское общество представлялось им как некое заведение для дворян, что-то вроде техникума, куда пришла пора поступать и Онегину. А денди — это кто такой? Чуть не каждое слово приходилось объяснять. Надо было приохотить их,

живших очень трудной послевоенной деревенской жизнью, к книге, приучить к вдумчивому чтению. Я отклонялся от программы, строил изучение литературы по-своему. Биографию Пушкина излагал, ориентируясь не на учебник, а на собственные знания. Старался увлечь, зажечь, задавал каверзные вопросы, заставляя воображать и соображать.

Я считаю — тогда это уже во мне созрело, — что в школе не столько надо давать знания, сколько пробуждать интерес, приобщать, обучать навыкам приобретать знания самостоятельно.

В подходе к преподаванию для меня нет существенной разницы между тем временем и нынешним. Да, тогда обучение было идеологизировано, утвержденная программа строго выверена. Но среди учителей находились — а хорошего, как известно, много не бывает — одаренные, яркие профессионалы, которые, независимо от установок, вопреки им, стремились на свой страх и риск сделать учебный процесс интересным, насыщенным, полным. Думаю, и сейчас то же самое. Потому что хотя на дворе и свобода, но все по-прежнему зависит от личности преподавателя, его педагогического дара, от того, зачем и с чем он идет

в школу. И сегодня зависит, может быть, даже больше, чем раньше. Другие времена, а есть ли другие учебники, хрестоматии, тексты?

Если бы я пришел сегодня в школу и мне бы сказали: делай, что хочешь, — я выбрал бы самых существенных российских писателей, близких и мне. Прежде всего это, конечно, Пушкин. Но не просто Пушкин, а Пушкин в окружении. Я не забыл бы ни его литературную родословную — Ломоносова, Державина, ни Баратынского, ни Тютчева... И я не отделил бы, как это делалось прежде, литературу от истории, а давал бы их параллельно, вместе. Потому что всегда одно вытекает из другого. Тогда ученикам многое становилось бы ясно: отчего совершались именно такие поступки, возникали эти, а не иные идеи... Не раздельно: по литературе — Пушкин, а по истории — декабристы или Пугачев, а в неразрывной связке. Независимо от того, что и как преподносил бы историк на своих уроках, я бы все время варился в эпохе. Общественная жизнь, литература, культура — все вместе, как, собственно, в действительности и происходит. И потом — я бы не только сам читал, рассказывал, объяснял, комментировал, но и разыгрывал бы вместе с учениками пьески, сценки из художественных произведений, готовил с ними рукописные выпуски, альманахи, газеты. У других педагогов нашлось бы, уверен, еще что-

то — было бы желание искать. Есть много разных способов сделать процесс обучения захватывающим. Во всяком случае, я старался бы, чтобы на моих уроках не зевали от скуки.

Когда в послевоенные годы не хватало дипломированных учителей и в школах, особенно деревенских, многие предметы вели люди случайные — это было объяснимо. Но дико слышать сегодня, что даже в Москве недостает сейчас 700–800 преподавателей английского, не хватает учителей русского языка. Молодые филологи, закончившие педвузы — об университетах уже и вовсе речи не идет, — устремляются куда угодно: в фирмы, фонды, банки, только не в школу. Повинно в этом государство. Оно не создает условий, оно не обеспечивает нормального, достойного заработка одаренным и образованным педагогам. Мне уже приходилось рассказывать, как отреагировали японцы, когда их спросили: как получилось, что вы, разоренная, разрушенная страна, так быстро смогли оправиться от военной беды и стать одной из самых экономически крепких? Просто получилось, смеясь, ответили они, очень просто. Мы прекратили вооружаться и сильно увеличили расходы на образование и здравоохранение. И выросло новое, здоровое, образованное поколение — с веком наравне, которое легко перешло к современным формам производства, компьютеризации и т.д.

Отношение нашего государства к просвещению, к подрастающему поколению должно радикально измениться, иначе что впустую болтать о реформах? По телевизору слышал на днях — врач получает 300 тысяч рублей, а чиновник в Министерстве здравоохранения в несколько раз больше. Я совсем не хочу утверждать, что все чиновники обязательно хапуги, эгоисты, дармоеды. Я знаю и замечательных чиновников, без которых не стоит ни одно государство. Но беда в том, что уровень их культуры недостаточен, их вкус, их представления весьма невысокие. И они искренне убеждены, что у нас вполне нормальное образование.

Началась предвыборная гонка, и мы постоянно слышим крики о патриотизме, о национальной катастрофе, о гибели культуры. Кричать — самое простое и самое выгодное. Намного труднее, сложнее тем, кто пытается не орать и причитать, а дело делать, реальное, живое дело. Я уверен, что есть немало и, наверное, даже очень много порядочных людей, которые, будучи избранными, сумели бы изменить сегодняшнюю ситуацию. Но у них локти мягкие, они не умеют и не могут пробиться сквозь строй острых локтей.

Я вижу спасение, делаю ставку, надеюсь на тех молодых, умных, интеллигентных людей, которые, несмотря ни на что, самозабвенно продолжают свое дело.

Другие материалы о проблемах школы читайте на 12-й стр.